

18+

Liquid Death
Liquid Death

(279 МОЛИТВ)

Liquid Death

Liquid Death. 279 молитв

<https://litres.ru/74283179>

ISBN 9785007072601

Аннотация

Что мы знаем об осознанных сновидениях? Одни считают сны проводниками в иные миры, где мы властны делать всё, что пожелаем. Другие объясняют их случайной работой нейронных связей. Немногие задумываются всерьёз, но есть и те, кто готов выдвинуть свою теорию. Изучив факторы, влияющие на интенсивность и содержание снов, герои решают вывести их на режим «безумия». Но никто не подумал, что эксперимент для каждого из участников «недо-любовного треугольника» может обернуться необратимыми последствиями.

Содержание

[27 февраля; Везде и нигде]	5
[Из записей дневника; 27 февраля]	6
[Из записей Дневника; 27 февраля]	7
[Из записей Дневника; 27 февраля]	8
[27 февраля; Везде и нигде]	9
[Из записей Дневника; 27 февраля]	13
[27 февраля; Везде и нигде]	14
Из записей Дневника; 27 февраля]	22
[27 февраля; Бар]	23
[Из записей Дневника; 17 февраля]	25
[17 февраля; Место жительства Сорена]	26
[Их записей Дневника; Без даты]	30
[Ночь, 17 февраля; Место жительства Сорена]	31
[Из записей Дневника; без даты]	35
[27 февраля; Бар]	36
[Ночь, 17 февраля; Место жительства Сорена]	38
[Из записей Дневника; Продолжение; Без даты]	39
[27 февраля; Бар]	40
[Из записей Дневника; 17 февраля]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Liquid Death

279 МОЛИТВ

Liquid Death

Дизайнер обложки fboy

Для справок: @liquiddxath liquiddeath7@mail.ru (E-mail)

© Liquid Death, 2026

© fboy, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-7260-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[27 февраля; Везде и нигде]

Просыпаюсь на ступеньках и не знаю, где я нахожусь, моё зрение затуманено, будто я нахожусь в задымлённом помещении. Воздух давит стоящим в стенах запахом сигарет и перегара. Мои губы склеились горькой коркой, а во рту такой привкус, будто я съел что-то из помойного ведра. Мой голос не похож на человеческий, а глаза треснули паутиной красных молний. Мои ресницы, # тяжёлые от груза синих век, # тянут взор вниз; мои брови взъерошены и своей чернотой напоминают выброшенную щётку для обуви.

Я обездвижено лежу на ступеньках, онемевшая боль раздётся по всем уголкам конечностей. Я разбит и окровавлен, моё тело, кажется, искривлено: я не чувствую локти и поясницу, мои шейные позвонки ноют искрами в глазах. Ноющая шея не даёт повернуть голову. Ладони и выше порваны глубокими ранами, плоть свисает неровными лоскутами кожи, некогда плотно сидевшими на мышцах, сухожилиях и тканях моих рук. Ткани не кровоточат, # не колит и не зудит, # они огрубели в частицах пыли. Правая рука, по удивлению, была более запачканной, чем левая. Грязь буквально окутывала её, а под ногтями раздражающе чесалось. Кулаки стёсаны и набухли, будто я без устали бил гравий.

В голове я начинаю считать: «один, два, три, четыре...»

[Из записей дневника; 27 февраля]

На самом деле, жизнь совсем не делает тебя живым. Я подразумеваю то, что просыпаться каждый день и дышать # это не жизнь. И в конечном счёте, независимо от того, насколько ты успешный или как далеко ты зашёл, ты встретишь свою смерть. А что, если жизнь всегда такая? Что, если после смерти всё так же? Или вторая жизнь такая же и они ничем не отличаются? Это пугает.

Я застрял, я пытаюсь понять, почему я всё ещё здесь? Ведь я могу уйти когда захочу. Самое жалкое, что мне пришлось придумать причину для себя, чтобы продолжать выполнять эту повседневную рутину. Но какой смысл во всём этом и в том, что я пытаюсь добиться успеха, если это ничего не значит? Я сгнию и высохну как все остальные.

[Из записей Дневника; 27 февраля]

Я видел сон длиною в жизнь, я вижу жизнь длиною в один день.

P.S. « Кто я?»

[Из записей Дневника; 27 февраля]

Я был убит 27 февраля этого года. Значит ли это, что теперь я един с Богом? Значит ли это, что всё свершилось по образу и подобию Его?

[27 февраля; Везде и нигде]

Поднимаясь, я не чувствую, на что опираюсь: то ли на порезы, то ли на онемевшие локти. Меня шатает как в вагоне, будто ступени двигаются в сторону от моих ступней. Голова идёт кругом, как если бы ты катался на круговом аттракционе и резко сошёл на ноги.

Стены подъезда отдают пылью когда моя рука очередной раз ищет в них опору. Перила отдают запахом ржавчины, этот запах смешивается с грязными красными ладонями и по итогу становится специфически загадочным. Светом можно назвать тот небольшой луч, проникающий через оконное решето серого подъезда и льющий мне в глаза обнадёживающее спокойствие и неестественное умиротворение. Как если бы я достиг просвещения, внеземного озарения, я чувствовал бы себя подобным образом.

Бесконечные этажи, я ступаю на очередную ступень, я считаю: «десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать...»

Через тяжёлую дверь я вываливаюсь куском полу живого мяса на улицу и проваливаюсь к бесцветной скамейке. За тот миг я успел увидеть дневное светило ближе, естественнее, чувственнее... Оно так прекрасно, так чудесно и так ярко, через боль в моих глазах я ощущаю его ещё роднее, ещё ближе. Я не видел его, мне кажется, целую вечность. Не ощущал ни тепла, ни любви его ко мне.

Яркое наслаждение выбило меня из траектории и всей своей ношей я завалился на клумбу засохшей рассады весенних цветов. Голова поникла в низкорослых кустах с долгоцветущими бархатцами, низко посаженными маргаритками, и большом кусте пиона. Всё перегнивает, расправляя пошире свои сухие лепестки. Влажная земля топит прикорневые отростки, как бы забирая их назад, увядшие бутоны красных бархатцев поедает слоем прилипшей земли.

Меня тянет вырвать кишки из желудка, мои глаза по-прежнему слеплены любовью яркого света. Он выкручивает мне зрение и моментом мне кажется, что я ничего не вижу. Капли горькой жёлчи неохотно выходят по израненным стенкам моего желудка, обжигая их кислотой. Мой желудок рыдает, будто в нём горсть гвоздей или какой-то другой металл. На языке привкус железа и чего-то горького, а в голове проецируется зацикленная плёнка с белым шумом. Острыми цыганскими иглами проникает вглубь черепа. Как восставший из ада «синобит Пинхед», #«демон для одних, дьявол для других». Резким движением холодной чёрствой кисти я снимаю таль с сухих губ. На моих предплечьях полосы крови, приклеившие одежду к телу прочной болезненной клеёнкой. Отдирая рукава, эти порезы кровоточат новые струи, покрывая каждое старое русло новой кровяной волной. Туманная боль, серая и посредственная. Мои губы сжимаются в сопротивлении: «семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать», сквозь сладкую боль я продолжаю ве-

сти счёт, за каждой цифрой я веду дублирующую экранизацию перед глазами. Вдохнув поглубже, на выдохе шёпотом: «тридцать, тридцать один, тридцать два...» Мой хрип из глотки напоминает проигравшее в схватке животное, которое готовится к неминуемой смерти. Как будто голосовых связок у меня стало на порядок меньше. Как будто у меня в горле стоит непроходимый ком, который нужно сильным криком выдавить наружу. Как будто мне есть что сказать.

Холодно, так холодно. По телу отдаёт ознобом, свежий воздух поступает по трубке гортани разрежённым и недостаточным, скудным и таким безучастным. Солнце скрылось за тучами бесконечностью зимней больной погоды. Ветры проносятся по опустелым улицам, куда-то далеко, куда-то на тундровые вершины. Замёрзшим и голодным, по мёртвой улице, с севера на юго-восток, с начала и до конца улицы, столп пыли несётся ко мне, проникает через, а после к ледяным полям и белым океанам, где волны беспощадно бьют о скалы, где снежная слепота и дрожь, где руки немеют. Где от ног остаются лишь «окоченелые животные # мёртвые и негибаемые». Раскрытая настежь, как входная дверь, кожаная куртка, источает холод всем своим видом. Ороговевшие куски грязи отслаиваются при каждом моём движении от кожи, сыпятся и падают неровными на пол, где беззвучно распадаются на десятки подобных, только маленьких кусочков. Плотная сидящая на руках, она буквально является моей второй кожей. Чёрные джины сидят послушным мёрз-

нушим лоскутом, упираются вниз в дешёвые кеды, полные тяжёлой, той же засохшей грязи. Мне никак не удаётся понять, откуда она на мне, ещё и в таком количестве. От одной только мысли о тепле пробирает до костей волной колкости дующего ветра. От неба до низин. Лик сливается на фоне бледности голых стеблей деревьев. Целый ряд деревьев, высаженных для защиты от эрозии, кренится в одном такте. Зелёная трава, # в будущем роскошные золотые колосья # на полях покрывает влажную землю огромным манящим ковром. Впавшие чёрным овальным пламенем глаза поникли в цикле флоры. Как же она прекрасна, природа. Волосы склеились в густую какофонию, твёрдую и жёсткую, будто дреды, они заправлены назад. Морщинистый лоб грузом сидит над бровями, делая вид грозного и мрачного, неприступного и жестокого человека. Ледяные кисти сжимают красные кулаки, а губы смыкаются плотным засовом, когда разиться очередной порыв ветра. Деревья поклоняются мне, а я им в ответ плюю гвоздями из желудка. Как длинный сон.

[Из записей Дневника; 27 февраля]

Перед этим долго шёл дождь, и липкая грязь вязла на кеды. Когда я вставал во весь рост, я начинал бояться, что теперь я могу быть виден ему. Да, конечно, я, быть может, виден был ему и так, тем не менее, мне казалось иначе. Тот, кто ходит по такой же тьме, не может видеть меня, но ведь он всё же как-то попал в меня... Первый из тех замахов, который скользил рядом, ударил в сторону от меня, меня догнал только звук разрезания воздуха, барабанные перепонки дёрнулись и мне их хотелось почесать. Я испугался и побежал от него.

[27 февраля; Везде и нигде]

Вдали я вижу открытую таверну, своей желтизной отдающую тепло и заботу, и направляюсь туда. Подобно инвалиду, кривым ходом, я двигался к подсветке уличной вывески этой забегаловки. Дряблой обувью по дроблёному асфальту, бесконечно разбитому угловатыми линиями. Колёса тянут мокрый шлейф, размазывают двумя линиями куда-то вдаль. Я нарушаю эту идеальность, ступая на мокрое и унося за собой в другую сторону, наперекор, наперерез. Мимо плетёнки моего тела проезжает автомобиль скорой помощи с работающим красно-синим световым сигналом и оглушающим воём сирены, я провожаю взглядом фургон и мысленно завидую тому, чья судьба уже предрешена. Кому не нужно выносить эти тяготы отныне и навсегда. Номер удлинённого авто «ноль сорок четыре», а «ноль сорок пять и ноль сорок шесть...» продолжают мой счёт.

Как же это, наверное, чудесно, в один из прекрасных дней не открыть глаза.

Пыльный, будто находящийся в полудрёме, каркас здания виднеется так близко и так далеко, виднеется тёплым электрошокком, проносящимся вдоль оси хребта. Тёплым огнём и холодным шумом деревьев. Вереницей промчались мысли и мечты мои, ветром прогоняет безлюдные опустевшие улицы. Мои ноги отдают хронической усталостью, мои ноги «мёрт-

вые и нестигаемые».

Неквадратные оконные рамки укрыты таким же безучастным деревянным цветом пыльных занавесок, повешенных, кажется, просто от скуки. Ни разу не стиранные, они сохраняют грязь рук всех пьяниц, постоянно вытирающих об них руки. Тихая, почти неслышимая, музыка гармонична с увядшими настроениями этого места, окунает в атмосферу типичной придорожной закусочной. Подвешенные горшки лампад дают приглушённый жёлтый свет, который очень уютно сочетается с местным диалектом отрубленных голов диких животных, красующихся на стенах. Средневековые доспехи рыцаря выстроены в человеческую фигуру, в ладонь которому помещён бутафорский меч. Бутафорский, именно#ведь удары ножа в брюшную полость будут не под музыку. Кольчугу этого бедолаги на торсе изрешетили скользкими царапинами и колотыми прямыми и боковыми ударами, проверяя на прочность. Квадратура вмещала двадцать семь посаженных вплотную столиков, пару мест за барной стойкой и место на пару-тройку квадратов для свободного движения за всеми столиками в углу. Едва хватало, чтобы развернуться, если прийти сюда в пятницу под вечер. Сегодня тут занято всего девять.

Деревянные бочки, окаймлённые полоской железной пластины, сложены за барной стойкой в несколько рядов у стены, прямо доверху, до высокого потолка. Над краниками для розлива угловатыми буквами вырезаны названия содержи-

мого. Эти помои подписаны своими личными именами. Столики, стоящие павлинами на одной ноге, располагают на самой же первой странице меню крепко алкогольным, а только после уже закусками. Потрепанные и залитые пивом, залапанные и жирные, текст на них уже не разобрать.

Снизу вверх, обгладывая мою фигуру своими мнениями, сидящие за столами невольно провожают меня до барной стойки, до этого человека. «И пятьдесят девять, шестьдесят, шестьдесят один» # иллюстрирую его фигуру особенной одежкой на фоне деревянного забора. Не отводя свой взгляд от барной стойки, я веду все их взгляды строго туда, куда намереваюсь вывалить свою ношу.

Дай мне выпить.# говорю человеку за стойкой, в моей голове в это время: «Шестьдесят два...»

Что-то, что согреет мою душу, что-то, что согреет моё сердце, что-то, что зажжёт огонь в моей душе...

Дай мне спиртное.# «Шестьдесят три...»

Для моей разрушенной жизни ты являешься символом, ты мой лучший друг, ты моя супруга. Это то, что я могу вынести. Тогда мне не нужно видеть ясно. стакан, который согреет мою кровь.

Ник, дай мне выпить.

Бейджик с гравированным именем толи протирает стакан, толи вертит его в руке, от чего мне приходится повторить несколько раз.

На данный момент он мне самый близкий человек, са-

мый внимательный слушатель. Вернее говоря, сейчас он мой единственный слушатель.

Ник, мне нужно кое-что тебе рассказать, # Начиная вести счёт быстрым потоком, я тараторю в голове «Семьдесят, семьдесят один, семьдесят два, семьдесят три...», будто подстраиваюсь под ритм моего сердцебиения. Меня отдаёт дрожью от тепла, конечности рук и ног стреляют наливанием крови, я рефлекторно вздрагиваю от этого. От моей куртки и штанов всё также осыпается грязь, летит и ломается о пол, рассыпается на примерно равные расстояния на три части. Ядвигаюсь вплотную к барной стойке, осадив её своей грудной клеткой, и вижу, как из прозрачного гранённого стекла звуком идеальной реки льётся непрозрачная жидкость. И потом скользит по лакированной стойке прямиком ко мне в распростёртую ладонь.

Привыкший к заурадной музыке слух обитателей отдаёт мои слова чуть ли не на весь арсенал.

Я больше не чувствую боль, мне становится лучше, моё тело лечится, моё сердце запускается, а душа возвращается на место. стакан, который согреет мою кровь.

Допивая яд, в мои трубы поступают также и останки жёлчи из желудка.

Ник, я любил... Я ведь... действительно... # Съедая крайний слог от горечи, говорю дальше: # Налей мне ещё!

Он доликает до краёв, смотря иском, с какой лёгкостью это вливается внутрь. Он презирает, но молчит. Я вижу как

его безмолвный взгляд говорит мне, что я падаю всё ниже и ниже. Ниже и ниже плинтуса в его мнениях. Но мне плевать! В этом безотрывном взгляде я разглядел также искру жалости, пока я пил стакан, он вырос до пламени, будто трубящем, что ему действительно жаль меня.

Мне тоже жаль себя.

Ник!

Сирена скорой помощи снова проезжает мимо, отливает красно-синим помещение, эхом её рёв я слышу так близко, будто она заехала напрямиком в бар. Я слышу, как невнятно что-то говорят; потом слышу, как говорят поднять ему голову и надеть какой-то прибор на дыхательную область.

Чтобы нос покрыло, # кричит один другому, # Плотнее зажми клёпки на затылке, он же не получает кислород!

О чем ты? # Щёлкая пальцем у моего лица, видимо, уже в сотый раз, переспрашивает Ник, # Что ты говоришь?

Ник наливает себе полстакана и вдохнув через свой белоснежный платок, выпивает.

Ник, я гнал за ним, я не хотел давать ему шанса...

Подожди, # Его телефон звенит раздражающей мелодией.

С открытых дверей забегаловки видно, как люди торопятся по тротуарам широкой улицы, укутывая руки поглубже и опуская головы так, чтобы не дуло колючим. Их недоволь-

ные лица уносит ветром немая тоска. Длинным цокающим шагом на шпильке. Слишком жёлтый фонарный свет давал пару со рта тень, которая рассеивалась ветром через пару секунд.

У него судорожные припадки, быстрее коли в мышцу. Сюда, я оголил руку... Пульс падает «семьдесят девять, семьдесят шесть, семьдесят четыре...», отсутствует дыхание... # Один из них вкалывает огромную иглу в предплечье и плавно выжимает содержимое. Потом медленно достаёт и проверяет фонариком зрачки.

Реакция есть.

Ник садится напротив меня и нервно дышит, наливает себе ещё полстакана и заливает внутрь одним махом; прищурившись, искривлённой мордой закатал губы от горького вкуса. Потом выдыхает как на алко-тестер ровную струю едкого воздуха.

#Я...я разбит, буквально, # Я кидаю стакан, прямо через весь зал, он вылетает через открытые двери таверны и разбивается на асфальте, # Разбит как этот стакан. # Теперь я пью с горлышка, Ник не даст мне ещё один стакан, ведь я сделаю точно также.

В ответ на мою выходку остатки сидящего вокруг народа дружно поднимаются и поспешно собираются на выход, фыркая мне в спину невнятный бубнёж. Поднимая руки, од-

на женщина пытается проклинать меня своим умением красиво выразиться.

Va te faire foutre¹, # вываливается из меня, когда я обращаю свою голову в её направлении. Я сам удивился, как смог это выговорить.

Валите все, пошли все вон!

Другая круговыми движениями наматывает на голову шарф и скорыми, длинными цокающими по дереву шагами покидает стены; обналичивает фигуру жёлтым прожекторным светом, она выдыхает густой клуб, вертящийся в воздухе плотной смоляной ватой, поднятой головой она смотрит недолго наверх, на зимнюю ночь. Проходящие оборачиваются в ту же сторону, пытаюсь высмотреть то же, что видится ей, но проходят дальше с пустыми головами. Волос вьётся на ветру в сторону дыма и сбивается в навязчивое желание их очередной раз поправить. Потом её фигура скрывается в сторону унесённого ветра.

Я чувствую пустоту, которая разрывает меня изнутри. Я чувствую крошеное стекло, которое течёт по венам и обдирает мои стенки. Мне больно и мои глаза наливаются кровью. Я чувствую пустоту, будто из меня вырвали половину органов и чувств. Я чувствую себя одураченным, ограбленным неудачником. Моя грудная клетка сжимается вовнутрь, когда я вдыхаю и рвётся наружу, когда я делаю выдох. Продлится ли сегодняшняя ночь вечность, не имеет значения,

¹ Пошла на*** (фр.)

ведь завтра всё равно не будет. Не наступит. Его не существует.

Мы дружили, понимаешь, мы были чем-то большим, чем приятелями по делам, больше, чем друзьями, та мы буквально делили кровь и слёзы пополам...

Ник изогнут поникшей старухой на столе и внемлет моё откровение. Опустил голову как не подаренная роза, спустил плечи вперёд, а взгляд приковал к ламинированной липкой бумажке меню.

Я хватаю эту ламинированную бумагу и сжимаю её в руках до того состояния, когда её уже не выпрямишь, и выкидываю ему за спину. Слежу за его взглядом и говорю, смотря в глаза:

#Но не всё в этой жизни можно поделить, Ник, не всё. Есть то, что поделить нам не удавалось никак # её. Мы познакомились с ней в один день. С Санией.

Из записей Дневника; 27 февраля]

Я бежал, по моему лбу стекал пот, который пронырливо затекал мне за шею и сползал тоненькой ниточкой по оси позвоночника мне за джинсы. Я не смотрел вперёд, я просто бежал что есть сил в этом теле. По ощущениям уже давно выдохшемся и заношенном, будто я выполняю двойную, а то и тройную работу. От второго замаха я даже не закрыл глаза, а только слегка наклонил голову вперёд в попытке увернуться от удара. Я так понравился себе, что стал похож на дикую бестию пророка. Я почувствовал, что рядом несётся ещё одна бестия. Я не видел того, что есть впереди и есть ли вообще, и только правая ладонь почему-то сильно вспотела, а из-за ворота куртки приятно тянуло теплом моего тела. И тем не менее, я снова пригнулся в попытке сделаться менее заметным для того, кто гнался за мной. Я снова выпрямился, мне стало обидно, что кто-то может опередить меня.

Я не закрывал глаза, они закрылись сами, когда в них что-то полетело. Это была россыпь земли. Спереди её кинули в меня. Я упал, сделав несколько кувырковых движений, и оскалил зубы в ожидании...

[27 февраля; Бар]

Мы увидели её в один день. Вместе. Я помню, как смотрел на её стоящую фигуру и не мог оторвать глаз. Мягкий розовый на её лице бросался таким нежным и ласковым, а мимолётный тихий взгляд так и вовсе вводил в ступор.

И как только мы познакомились, когда мы поговорили с ней впервые, мы уловили критическое мгновение. Какой-то переломный момент, когда соперничество выходит на уровень какой-то внутренней вражды и неприязни. И в тот же миг я представляю сложившуюся ситуацию длительным периодом, загадывая наперёд, и вижу, что мы оба будем бороться за неё. Добиваться её всецело и всеобъемлюще. Я знаю, что он мыслил также, ведь я знаю его как себя...# Я описываю этой нелепой туше все подробности в надежде, что он внимает мою мысль именно так, как чувствую и пытаюсь выразить её я.

Это выглядело не так глупо, как звучит сейчас, тогда всё выглядело иначе...

Поникший в слишком изогнутой спине, Ник смотрит на меня самой преданной собакой, на веках его чистый взгляд блестит. Под синевой усталости и морщинами на лбу я вижу, как он даёт отклик моим словам, не говоря при этом ни одного. Он не сказал ни слова за скомканное меню. Больше, он даже не посмотрел на него. Лишь смотрит мне в глаза мол-

чаливым обнадёживающим понимаем.

Внезапно Ник встаёт и лёгким движением своей большой руки гладит меня по носу, сверху вниз, будто выравнивая его, он пытается ухватиться за него полной ладонью. При его невозмутимом выражении лица, опущенных в напряжении густых бровях и сжатых в трубочку губах, можно подумать, что он преследует какую-то цель. Мой пронизательный до происходящего взгляд совсем никак не колеблет его, и я смахиваю всё на его одичалость. Я смахиваю в голове цифры «восемьдесят восемь, восемьдесят девять, девяносто» девятый палец загибается, когда я дохожу до очередного десятка, а «метр девяносто один» в теле размерного Ника переспрашивает трепетно интересующимся, но спокойным голосом:

А как вы встретили её?

[Из записей Дневника; 17 февраля]

Сон # это маленькая смерть, а жизнь # это большой сон.

Большая смерть # это стать перед Богом, а маленькая # быть адресатом воли Его.

2:29 «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям».

[17 февраля; Место жительства Сорена]

Музыкальные колонки отстукивают быстрее́ший ритм танцевальной классики клубного жанра. Огромный плац, гигантское помещение, вмещающее нечислимое количество людей. Стены под прицелом неоновового света — розовый, фиолетовый, коралловый — пляшут по высоким натяжным потолкам, ровным, штукатуренным стенам, фигурам собравшихся. Свет проникает в их глаза, проецируется в настоящем моменте, отражается маленькой зеркальной фигурой. Глубокий бас вибрирует в воздухе, движет каждую клетку в состояние дрожи. Заставляет тело двигаться само собой. Грохочущая музыка способствует скорейшему высвобождению из оков гордого стеснения настоящей безмятежности и раскрепощения.

В поле зрения, у противоположной стены, как перед расстрельной командой, выстроилась линия представительниц женского пола. На расстоянии вытянутой руки от них проходит уверенный хлыщ, шею по кругу опоясывает цепочка фиолетовых гематом. За ним проходит такой же, ожерелье гематом выставив на показ. Следующий слабые укусы от сонной артерии и вниз до выреза футболки имеет.

В ряде противоположных представителей одна из наибо-

лее высоких на мужское обозрение пристально выставилась. Глаза гуляют ниже пояса, после в сторону верхнего правого угла, за этим неконтролируемо начинается облизывание и покусывание нежно-розовых губ. Обходящий мою фигуру человек не отводя глаз смотрит вперёд. На облизывание губ. Внутренний голос этого человека, я не слышу его, я его только предполагаю. Внутренний голос ликует.

Он сводит пальцы, быстрый звук, в обе руки *щёлк-щёлк*, под ритм убийственной танцемусики. Случайный партнёр к партнёрше приближается, их не слышно из-за постоянной музыкальной долбёжки, вертит головой, становится к ней полубоком, оказываясь вплотную рядом. Пустой и не занимательный разговор завязывается, но ущербностью и примитивностью своей он устраивает их обоих. На утро всё равно не важно будет. Женская сторона волосы на лице поправляет, на обозрение выставляет, пышность и красоту осознанно нетрезвому уму внушает. Лицо накрашено, губы двигаются в коротких и явно кокетливых ответах. Сдержанной и недоступной себя проявить хочет, дабы не показаться заурядной и малозначимой. Дабы цену набить, дабы порядочность свою продемонстрировать. Мужская сторона колеблется, мнёт свои потные руки за спиной, выгибает пальцы в таких углах, что кажется, будто сейчас он выкрутит их из патронов. Его рот открывается чаще, чем её. Потом он всё же нагибается к её уху и говорит что-то такое, на что она охотно соглашается, кивая и улыбаясь.

Вдоль почти тёмного периметра арены какая-то рослая фигура вышагивает, нос с горбинкой, лицо грубое и угловатое. Голову повернул, но взглядом меня не одарил.

В голове внезапно чужим голосом вспыло: «Для чего притчами говоришь им?»

«Для того, что *вам* дано знать тайны Царствия Небесного, а *им* не дано».

Он выглядит как воспоминание из далёкого прошлого, как сгусток всплывающих непонятных образов и картинок. Размытых сюжетов и мазанных событий. Он шагает, будто разведывает, смотрит в сторону, потом прямо, оборачивается кругом и обратно. Рекогносцировка. Кругом ходит, рыскающая рука железную молнию вверх-вниз метает, кофту раскрывает-закрывает, футболку с глупым рисунком микрофона оголяет-закрывает.

Тут перед ним двое гнутых и пуганых встречаются, чёрные капюшоны лица полностью скрывают, что даже диско-шар их лица осветить не может, руки не в приветствии тянут, а чтобы белый пакет передать. Рука левого сверху накрывает, скрытно передаёт. Рука правого внизу подхватывает, почти незаметно принимает содержимое руки, лишь белый уголок на секунду мелькает в поле зрения. И сразу рука плотно сжимается и быстрым движением помещается в первый карман кофты с капюшоном. Следом вылетает такая

же быстрая левая рука с бумажкой, а тот ловким движением выхватывает её себе в карман. Не медля и, кажется, даже не сказав ни слова, не кивнув, они расходятся в разные стороны по пути прежнего следования. Того знакомого незнакомого уже не было за ними. Того лица, которое всплыло в мыслях секундной памятью былых когда-то событий, уже не было ни слева, ни справа.

Голос чужой в голове невольно повторяет: «Для чего притчами говоришь им?»

«Для того, что *вам* дано знать тайны Царствия Небесного, а *им* не дано».

Тут внезапно появляется он, хватая меня сзади за плечо и тащит в свою сторону. От неожиданности я невольно пячусь неваляшкой. Его лицо, оно знакомо мне. Его ямки на лице смотрят прямо в глубины моих мыльных воспоминаний. Но не находят обратного отклика, тут он говорит.

— *Сорн*, давно тебя не видел...

Что? Как он назвал меня? Мне не послышалось. И тут я хотел крикнуть, что меня зовут не так. Что я не Сорен. Но меня сдерживало.

Я не Сорен! Меня зовут не так!

[Их записей Дневника; Без даты]

13:10 «И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?»

13:11 «Он сказал им в ответ: «для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано».

Для людей Бог говорит притчами, а для служителей, начиная от Своих учеников — изъяснения или толкование.

[Ночь, 17 февраля; Место жительства Сорена]

Динамичная музыка рвала барабаны проигрывателя, а свет мигал пятнистыми искрами по фигурам танцующих людей. Помещения забиты людьми. Его дом словно клуб. Клуб томного цветного дыма. Высокие, метров пять ввысь, потолки озаменованы трёхэтажными люстрами с приглушённым, переливающимся из нежно-розового в тёмно-фиолетовый цвета. Овальный персидский ковёр с густым начёсом. Настенные фонари. Многообразие комнат. Начиная от бытовых, заканчивая гигантскими.

Когда я ушёл с танцпола, в бытовой комнате я увидел его. Он словно выточен из мрамора, но излучал какой-то невидимый яркий свет. Тёмные, почти чёрные волосы, чуть расчёпаны, свисают жёсткими по краям головы. Линии его лица были резкими, словно вырезаны из камня, а глаза глубокими и тёмными, но взгляд... В нём проглядывалась дальноркая эмпатия, тёплый свет, который рубит ночь надвое. Скулы впадали в зубы бросающейся в глаза ямкой. Худой и высокий, вещи на нем всегда висели большими мешками, растянутыми тряпками.

Этот вечер был как раз одним из тех, что сулили повторение многих похожих, проходящих регулярно, вечеров. По

такому случаю стены его дома знают даже тех, кого сам Сорен лично, может, и не видел никогда. Потому появление людей, через три колена знакомых с ним, было отнюдь не новостью.

Облицованный в строгий приталенный костюм с торчащим синим воротником рубашки, распластав под трясущийся неон руки по обе стороны, меня встречает он. В одной руке уготовив стакан с жидкостью, он здоровается свободной рукой и искренней улыбкой.

#Я рад приветствовать тебя!

Тёмное помещение подсвечено телами знакомых и не знакомых, до которых совсем не было дела. У каждого тела в руке светился одноразовый стаканчик, наполненный *жидкой смертью*.

Положив на мои плечи свою дружественную руку, мы обходим затемнённые помещения. Проходим огромную гостиную с диваном и головами животных на стенах, там распиивают с красных стаканчиков незнакомые никому из нас люди; потом проходим через анфиладу одну из его спален, выходим по мраморным винтовым ступеням наверх, на крышу. Сорен признаётся, что так много людей тут не было ещё никогда. Внезапно он начал разговор. Говорит, открывая очередные двери:

Так близко мы не были ещё никогда, понимаешь?

Он вёл меня туда, где нет лишних глаз.

#Раскусил орех,# говорит он, сжимая свободной рукой кулак на уровне живота. Проходим мимо стола, наполненного выпивкой. Берёт стаканчик и говорит, сжимая его в руке и проливая на ковёр липкое:

Это сетка. Информационный рубеж.

#Ты пытался представить себе скопления информации, как они перемещаются по мозгу? Как они выглядят: как корабли, мотоциклы? По каким они мчатся дорогам? По трассам, похожим на автострады? # Я молча слушал его, пока мы проходили мимо серебряной кухни, мимо личной библиотеки на тридцать квадратов стеллажей с коричневыми корешками литературы.

Я продолжал мечтать о мире, который, как мне казалось, я никогда не увижу... # На крыше была разложена кровать прямо под небом, столик с букетом цветов и упаковка салфеток.

#Но я осознал. В один прекрасный день, вернее говоря, в одну прекрасную ночь, я осознал... Я забрался внутрь, я увидел... # Тут он резко оборвал предложение. Проводя рукой по столику, он осматривает большой город, раскрывающийся перед нами буквально как на ладони. Безграничное пространство с миллионами миллионов маленьких светил, жёлтых и посветлее, мигающих циклично в порту и хаотичных в частных домах. Ночное небо рассекает на две части Млечный Путь. Когда ветер нежно обдувает уголки тела, кажется, будто небо сейчас стало ближе, будто ты сам сейчас на

там, высоко-высоко... Будто мчишься на огромной скорости в бесконечность, бесцельно и безрассудно... И свежий холод вверяет тебе вдохнуть так глубоко, как только можешь, и никогда не выдыхать, оставить в себе.

Сорен хлопнул меня по плечу, вытягивая из мысленного пространства. Краем глаза я увидел, что он закрыл свой дневник с ручкой внутри, убрал обратно во внутренний карман своего пиджака и мы двинулись дальше. Как и прежде, не снимая на протяжении всего пути обувь, мы пошли на выход. Пересекаем густой столп людей около столика с выпивкой, пересекаем анфиладу спален и библиотеку, пересекаем серебро кухни, выходим до прихожей. Под панорамным зеркалом появлялся хлопок света, потом ещё, и ещё, первопроходцы широко раскрывали рты, вытягивали языки, показывали белую суспензию, корчили рожи и снимали себя на камеру. Дальше мы двигались по длинному коридору, и тут на пороге мы встречаем её! «Девяносто три, девяносто четыре, девяносто пять».

#Я выяснил, что сон имеет значение глубокого, но всё же..., # застыл он, направив взгляд вдаль.

Я увидел цветок, он раскрылся во мне среди стен и людей, среди света и музыки, он раскрылся во мне...

[Из записей Дневника; без даты]

«В то время Филистимляне собрали войска свои для войны, чтобы воевать с...» (1Цар.28:1).

«И увидел Саул стан Филистимский и испугался, и крепко дрогнуло сердце его» (1Цар.28:5).

[27 февраля; Бар]

Мы # нечто большее, чем просто друзья, больше, чем спутники, понимаешь, Ник...

Мы очень близки, казалось, мы храним такой багаж историй, происшествий, воспоминаний, знаний и переживаний, какой не вместит ни одно хранилище. Даже без слов, как по телепатии, он мог различить моё настроение, я мог сказать ему самую настоящую правду, какую ему не даст никто. Когда меня тревожила настойчивая мысль, он копал точно в том направлении, будто его руки держат локатор. И под дулом самого внушаемого калибра, я не сомневаюсь, мои тайны ушли бы вместе с ним. Вместе бок о бок. Альфа и омега. От начала и до конца.

Ничего, что заставило бы в этом бесконечном море нашим кораблям разойтись, не столкнувшись прежде форштевнями.

Слова, которые подбирали эти уста, всегда могли найти и находили точно то воздействие, в котором была нужда. Если и существует такое глубокое понимание и внемление, которые, как по волшебству, способны лечить, то наш с ним пример является, наверное, самым ярким из всех.

«Не добавляю проблем: ни о чём не жалел, не жалею, не буду жалеть».

Ник выровнялся в осанке и преклонился вперёд, опуская взгляд на мою грудь, словно пытаясь отыскать тот самый цветок. Он достаёт из-под стола второй стакан и обливает его содержимым бутылки. Смотря исподлобья мне в глаза, поддвигает в моём направлении. Взглядом будто молвит мне: «Даже не думай его бросить!».

Но не всё в этой жизни можно поделить, не всё.

[Ночь, 17 февраля; Место жительства Сорена]

В один голос мы приветствуем её, прекрасную и новую, обнимаем взглядом вдоль и поперёк; впервые изучаем новый объект. Румянец от холода розовеет на щеках, делая выразительнее объёмные ресницы, распушенные в пшеничном поле волосы лежат послушными колосьями, но первым делом все смотрят на грудь.

Сания, обменявшись взглядами с каждым из нас, спросила:

Это здесь...?

#Да, #Прерываем её на полуслове, снова сливаясь в унисон. Переглянулись приспущенными бровями друг на друга. А сон имеет значение глубокого, но всё же...

[Из записей Дневника; Продолжение; Без даты]

«И спросил Саул Господа; но Господь не отвечал ему ни во сне, ни чрез урим, ни чрез пророков» (1 Цар. 28:6).

«Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней и спрошу её. И отвечали ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина волшебница» (1 Цар. 28:7).

«И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошёл сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей Саул: прошу тебя, поворожи мне и выведи мне, о ком я скажу тебе» (1 Цар. 28:8).

[27 февраля; Бар]

Есть то, что поделить нам не удавалось никак, это #её.
«Сто два, сто три, сто четыре..».

Вечерняя лампада подмигивает уличным ветром, проносящимся по голым улицам ненужным отшельником. Проносится ввысь по зданиям, создавая ощущение глубокого ба-са, тревожащее своей проникновенностью впечатлительное нутро. Липкий стол уже протёрся нашими локтями. Другие липкие столы на тот момент уже пустовали. Ни одной фигуры, ни одного пустого присутствия. Ник налегает на него весом своей тяжёлой ноши, обновляет новый стакан со словами:

Даже не вздумай его кинуть!

[Из записей Дневника; 17 февраля]

Фрейд. Он выделяет три вида сновидений:

Осмысленные # те, что включают воспоминания, чёткие образы и легко поддаются объяснению. Такие сны воплощают желаемые исходы. Замена желаемого реальной картиной. Как если ты хочешь этого, то это стоит перед тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.